Священник Борис Даниленко

Семиография "Окозрительного устава" архиепископа Новгородского Геннадия

В последнее время появилось много публикаций, посвященных различным аспектам христианской культуры, в том числе памятникам письменности и искусства, относящимся к православному богослужению. Рост интереса ученых к этим вопросам понятен и закономерен, тогда как многолетнее табу, тяготевшее над темами, связанными с вопросами христианской культуры, представляется беззаконным и противоестественным.

Используя известное определение православного богослужения как "синтеза искусств", принадлежащее выдающемуся отечественному мыслителю священнику Павлу Флоренскому, можно сказать, что интересы современных исследователей связаны, как правило с теми или иными "искусствами" (иконопись, богослужебная музыка, гимнография и проч.), но не с их "синтезом". Это не свидетельство ограниченности профессиональных интересов, а проявление определенной неподготовленности. Ведь для осмысленного восприятия разноликого в проявлениях наследия многовековой христианской культуры, но не в препарированном виде, а как явления живого и действующего, необходимо уяснение структуры православного богослужения, определяемого сочетанием суточного, седмичного и годового литургических циклов, а также истории формирования в православной восточной традиции богослужебного устава как регулятора литургической жизни - "синтеза искусств".

Это сообщение, посвященное частному вопросу, связанному с историей богослужебного устава на Руси, с одной стороны является микро-экскурсом в историю "Типика" в Русской Церкви, а с другой - промежуточным результатом исследования одного литургического памятника, сохраненного отечественной рукописной традицией.

История богослужения в Русской Церкви делится на три периода, каждый из которых связан с преимущественным бытованием одного из трех видов устава: "Устава Великой Церкви", "Студийского" и "Иерусалимского уставов".

Первый, связанный с традицией богослужения Софии константинопольской - Великой Церкви, стал регулятором литургической жизни на Руси со времени принятия христианства святым Владимиром и его народом.

Подобно симфонической партитуре, богослужебный устав организовал согласие принесенных на Русь книг. Круг богослужебной литературы был достаточно широк. В него входили сборники чтений из книг "Священного Писания", расположение текста в которых соответствовало порядку годового лекционария, сборники молитвословий, организованных как в соответствии с пред- и послепасхальными периодами ("Триодь"), так и в соответствии с восьминедельным циклом ("Октоих"). Была представлена в богослужении и святоотеческая литература. Первоначальный богослужебный устав Русской Церкви определял объем чтений-отрывков из отдельных, к тому времени уже классических, произведений христианской литературы.

Говорить о каких-либо славянских переводах на Руси "Устава Великой Церкви" в X-XII вв. не приходится. Считалось, что

первый славянский фрагмент был "списан в 1279 г. боголюбивым Климентом архиепископом Новгородским"[1]. Судить о богослужении нашей церкви именно по "Уставу Великой Церкви" можно лишь по самым ранним из известных науке триодям, потребникам и служебникам. Интересно, что следы "Устава Великой Церкви" находили место в богослужебной практике Русской Церкви еще в XУШ в., о чем свидетельствуют соборные чиновники позднего времени, хотя уже в конце XШ в. некоторые его особенности, сохранившиеся в тогдашней практике, вызывали недоумение у клириков, привыкших к господствовавшему в то время "Студийскому уставу".

Трудно однозначно указать все причины, по которым упомянутый "Студийский устав" "взял верх" в России над "Уставом Великой Церкви". Но в первую очередь интерес к нему, возникший в монашеской среде, был обусловлен его простотой и практической применимостью в Лавре преподобного Феодосия Печерского.

Интересно, что "Студийский устав", ставший "писанным", а не передаваемым устной традицией, по инициативе Патриарха Константинопольского Алексия[2], выходца из Студийской обители, очень скоро стал известен на Руси. Преподобный Феодосий в 1062 г. заинтересовался типиком славного монастыря и сделал заказ на его "списание" - перевод с греческого - Ефрему Скопцу, киевскому монаху, жившему в Студийском монастыре.

Самый авторитетный славянский текст "Студийского устава" как по времени написания (XП в.), так и по полноте представлен рукописью Синодального собрания, ныне находящегося в Государственном историческом музее в Москве[3].

Студийская богослужебная традиция господствовала на Руси до XV в., когда появившийся у нас в последней четверти XIV в. "Иерусалимский устав" стал постепенно приобретать популярность. Простой и немноготиповый в вариантах суточных служб "Студийский устав" отошел в тень отчасти по причине активизации гимнотворческой деятельности в Русской Церкви с XV в. Всенощное бдение со всем возможным набором элементов минейных текстов сменило в качестве образца лаконичные по гимнографическому материалу студийские "праздники".

Заслуживает внимания тот факт, что "Студийский" и "Иерусалимский уставы", появившиеся в письменном виде на православном востоке почти одновременно и сосуществовавшие там в монашеской среде[4], в России не только сменили один другого, но и стали причиной некоторых "коллизий". Это касается, в первую очередь, традиций поста. Однако следует отметить, что хотя "Иерусалимский устав" и вытеснил в России почти повсеместно уже в XVI в. "Студийский", некоторые северные обители по свидетельству святителя Димитрия Ростовского (1651-1709) еще в его время пользовались "Студийским уставом"[5].

"Иерусалимский устав" в России распространился в огромном количестве списков[6]. Давая основания для оправдания известной пословицы "В чужой монастырь со своим уставом не ходят", организаторы и исполнители работ по переписке типика вносили в его состав изменения и разнообразный дополнительный материал.

В результате в наше время непросто говорить об определенном числе редакций устава. Почти каждый из известных науке списков "Иерусалимского устава" начиная с XV в. представляет в содержательном отношении его новую редакцию.

Своеобразным завершением истории этих многочисленных редакций стали издания в XVII в. в Москве "Иерусалимского устава", давшие четыре новые редакции (1610, 1633, 1641, 1682 гг.).

Наименование в русской традиции вариантов "Иерусалимского устава" "Оком церковным" вплоть до издания Московского печатного двора 1641 г. указывает на особую его авторитетность. Ведь евангельское "око", которое есть "светильник телу" (Мф. 6,22), невольно подсказывает нам пару соответствий:

тело : церковь

око : устав.

И действительно, многообразные списки устава иерусалимского типа, представленные в рукописных собраниях нашей страны, содержат как переводные с греческих оригиналов, так и оригинальные главы-статьи по вопросам особо значимым в жизни церкви и не относящимся непосредственно к богослужению и монастырской дисциплине.

Здесь в первую очередь следует вспомнить тексты церковно-правового характера – от канонических правил, скрепленных вселенскими авторитетами до письменных ответов иерархов Русской Церкви на практические "недоумения" подчиненных им священнослужителей. Особо можно выделить и толковательные главы, включаемые в состав русских типиконов с XVI в., комментирующие как с историко-богословской, так и с практической точек зрения отдельные службы суточного, седмичного и годового богослужебных циклов. Эти тексты разнятся не только предметами толкования, но и методами и видами экзегезы: от традиционной типологии до крайней аллегории. Замечу что материал такого рода, представленный в рукописных типиках Древней Руси, и по своему разнообразию и по своему объему, мог бы составить отдельную антологию, интересную как для литургиста, так и для каждого

исследователя церковной письменности. Здесь уместно упомянуть проф. Казанской духовной академии Н.Ф.Красносельцева, затронувшего в своих трудах историю толкований богослужения в России до XVIII в.[7]. Его труд дополнен в наше время проф. К.-Х.Фельми[8]. Однако много рукописных текстов оказалось вне поля зрения как нашего соотечественника, так и нашего современника.

После обещанного микро-экскурса в историю богослужебного устава на Руси перейду к основной части моего сообщения.

Термин "семиография" использовался отечественными историками богослужения чаще всего в исследованиях "рукописного материала крюковых и нотных певческих книг"[9]. В исследованиях такого рода "семиография" являлась, по существу, синонимом "нотописания". Но семантический подход был применен в нашей церкви не только к богослужебной музыке, где появление новых знаков и целых знаковых систем сопутствовало развитию и обогащению древней традиции.

Сейчас я хотел бы коснуться вопроса об использовании систем знаков для обозначения различных видов богослужебного суточного цикла в "Типике" Русской Церкви.

С вариантом системы такого рода знакомы все, кому приходится так или иначе пользоваться современным "Типиконом" Русской Церкви, восходящим в редакционном отношении к московскому изданию 1682 г.

Пять знаков, смысл которых раскрыт в его 47-й главе "О знамениях владычних и богородичных праздников, и святых"[10], говорят о пяти основных типах служб "Иерусалимского устава":

1) бденной великих праздников,

2) бденной средних праздников (с богородичным каноном на утрени),

3) полиелейной средних праздников,

4) славословной малых праздников и

5) шестиричной.

Эти знаки представлены на таблице I.

Переход к "иерусалимской" традиции в богослужебной практике Русской Церкви был ознаменован появлением ряда списков "Типика" нового вида. В них наследие "студийских" уставов как в богослужебной, так и в дисциплинарной частях занимало определенное место. Это следует отнести и к трем знакам, обозначавшим три типа праздничных служб: великий, средний и малый (верхний ряд табл. I). Такое разделение встречается во многих относительно ранних рукописных уставах иерусалимского типа[11]. Этот принцип деления праздников "на три чины ... на великия же и на средняя и на малая" часто возводится к традиции "Студийского устава" и "Устава Святой Горы"[12]. Само же появление такого принципа связано с именем Никона Черногорца (XI в.), автора "Пандект" и "Тактикона", широко распространенных в греческой и славянской рукописных традициях[13]. Как заметил проф. Московской духовной академии И.Д.Мансветов (+1885), статья о разделении праздников на три разряда из "Тактикона" и вошла в греческий "Типик"[14].

Статья о трех "знамениях" была сохранена и в печатной традиции русских уставов. Она появляется в первом издании "Устава" в 1610 г.[15] в виде главы "О праздниках в них же поется Бог Господь" (л. 132 об. - 134 об.) В месяцеслове этого издания (л.239 - 865) три праздничных киноварных знака (л. 133) печата-

ются с одной лишь особенностью - знак "Три точки в дуге" отпечатан черной краской, что объяснимо техническими причинами. (Красный знак появляется в виде исключения только в нескольких случаях, например, под 2-м января).

Любопытно, что к великим праздникам, число которых в упомянутой главе этого издания (л. 132-134) строго ограничивается господскими, богородичными и четырьмя, перечисленными особо (святых апостолов Петра и Павла, апостола и евангелиста Иоанна Богослова, Рождества и Усекновения главы Иоанна Предтечи), знаки в месяцеслове относят наряду с памятями некоторых византийских святых многие памяти святых славянских и русских[16].

От служб "киевского" типа, ограниченных немногими минейными текстами, характерными для студийской практики (например служба святой равноапостольной Ольге в современной июльской минее), на рубеже XIV и XV веков происходил переход к типу "иерусалимского празднования великому святому для всех чинов святости"[17]. Возможность многообразного "задействования" элементов такой службы (бдение: с малой вечерней, литией и проч.) при составлении новой и порождала многообразие служб как вариантов сочетания этих элементов. Это, может быть в первую очередь, следует отнести к полученному нами наследию славянских (сербских, болгарских) миней. Семантический подход к вопросу формализации типов служб заинтересовал к концу XV в. русских уставщиков. Развитие идеи использования знаков и увеличения их числа стало уместным именно по причине расширения отечественного гимнографического материала.

Такой "широкий" подход к возможности употребления знаков демонстрирует "Окозрительный устав" архиепископа Новгорода и

Пскова Геннадия (+ 1505) - интереснейший литургический памятник Древней Руси. Время его предположительного возникновения (при условии действительного авторства архиепископа Геннадия (Гонзова) или принадлежности его неизвестного автора к кругу новгородского святителя) следует ограничивать годами управления преосвященного Геннадия Новгородской епархией (1484-1504). Отсутствие списков этого памятника ранее середины XVI в., а также прямых документальных свидетельств о времени его возникновения, позволяет принимать этот отрезок времени только в качестве условной даты.

Ранние из известных списков "Окозрительного устава" относятся к первой половине XVI в., с начала же XVII в. их становится все больше.

Серьезным изучением "Окозрительного устава" по всей видимости занимался лишь Николай Махаев[18], о чем мы можем судить только по отзыву на его кандидатское сочинение проф. МДА. А.П.Голубцова (+ 1911). Несколько страниц своего исследования о судьбе православного "Типика" посвятил "Уставу" архиепископа Геннадия И.Д.Мансветов[19].

Появление "Окозрительного устава" это, по сути, появление новой формы православного "Типика", а точнее - самой объемной его части- месяцеслова. Собственно месяцеслов с подневной росписью заменяется табель-календарем, представленным иногда в виде таблицы: вертикаль - дни месяцев с 1-го по 31-й, горизонталь - месяцы с сентября по август, а на их пересечении - знамение-символ службы соответствующего дня[20]. Наглядность - главное достоинство такого уставного пособия. Следует лишь подивиться точности наменования Геннадиева устава "Окозрительным"

(современный синоним - наглядный). Уместными и точно отражающими суть работы с "Окозрительным уставом" кажутся слова одного из его списков: "Зри очима, внимай сердцем и всею мыслию"[21].

Говоря об основных редакциях - "системах" "Окозрительного устава", И.Д.Мансветов ограничивал их число четырьмя, причем к 4-й "системе" относил тексты по двум спискам - ГИМ, Синодального собр., № 392 (946), 1653 г. и ГБЛ, собр. Ундольского № 121, XVII в. - не имеющих прямого отношения к "Окозрительному уставу" архиепископа Геннадия, о чем речь пойдет далее. Три же первые "системы" "Окозрительного устава" по И.Д. Мансветову это:

1) самая полная 43-знаковая редакция (ГИМ, Синодальное собр., № 391 (953), Устав, нач. XVII в. и ГБЛ, собр. Румянцева, № 449, Устав, 1608 г.);

2) 40-знаковая редакция (ГИМ, Синодальное собр., № 395(953);

3) 35-знаковая редакция (ГИМ, Синодальное собр.,№401(902)[22].

Однако такое распределение редакций по числу знаков как главной характеристике окажется малооправданным, если ознакомиться не с 6-ю списками "Окозрительного устава", упомянутыми И.Д.Мансветовым, а хотя бы с 2 - 3-мя десятками его списков: число знаков варьирует от 17 до 45. Поэтому, не затрагивая сейчас вопроса о выявлении редакций этого памятника и даже не указывая их возможного числа, позволю себе сказать лишь несколько слов о двух из них, представляющихся наиболее интересными и определенными по составу.

Чаще всего в списках XVII в. встречается стабильная 27-знаковая редакция "Окозрительного устава"[23]. Графика знаков в ней почти тождественна во всех списках с указанным числом знамений. Изменяются лишь виды "табель-календаря" в зависимости от при-

лежания и художественных наклонностей создателя каждого из списков. Главы, часто ненумерованные, выделенные лишь киноварной буквицей, дают уставную расшифровку - прочтение каждого символа, одинаковую во всех списках этой редакции. Некоторые ее списки имеют дополнения в виде примечаний с отметкой "зри" на полях. Эти 27 знаков с соответствующей расшифровкой встречаются в большинстве списков "Окозрительного устава" как ранних, так и поздних (табл. 2).

Существует и другая редакция "Окозрительного устава"[24]. Кроме "табель-календаря" и глав, расшифровывающих смысл знамен "Устава", она содержит и главы с примечаниями к службам минейного и триодного годовых циклов (2 серии глав), а так же дополнительные главы уставного характера. В тексте этих глав встречаются примечания, связанные с богослужебными особенностями некоторых служб в Новгороде. В частности даны "разночтения" богослужебной практики Софийского собора, Антониева и Хутынского монастырей[25]. Сами эти примечания интересны тем, что они содержат конкретные примеры совершения тех или иных служб минеи в соединении с переходящими службами триодно-седмичного цикла, причем примеры эти датированы и относятся ко времени правления Новгородской епархией архиепископов Пимена (1552-1570) и Леонида (1571-1575). Позднейший из таких примеров датирован 16 августа 1573 г.[26]. В одном же тексте этой редакции "Окозрительного устава" упомянут митрополит как участник чина вечерни в Неделю сыропустную в Софийском соборе Великого Новгорода и его митрополичии певчии[27]. Новгородская епархия стала митрополией в 1589 г.[28], что определяет возможный ранний срок возникновения этой редакции.

"Окозрительный устав" стал пособием для клиросных уставщиков. Предположение И.Д.Мансветова о том, что такой устав был мало кому нужен, так как хороший уставщик знал все его типы служб наизусть[29], плохо сочетается с фактом двухсотлетнего его бытования в Новгороде, а именно с Новгородом так или иначе связаны многие его списки[30]. Скорее всего "Окозрительный устав" служил пособием в деле подготовки новых уставщиков, которые по усвоении его "премудрости", действительно уже могли и не заглядывать в него за справкой, но несомненно могли использовать его уже как наставники своей молодой смены.

В отношении "Окозрительного устава" следует заметить, что знак службы в нем говорил не только и не столько о ее разряде важности (бденная, славословная, шестеричная), но и том, сколь полон в ее тексте набор возможных гимнографических элементов (наличие славника на стихирах, количество тропарей песен канона и проч.). Именно в этом состоит принципиальное различие в подходе к вопросу типологии служб минейного круга между "Окозрительным уставом" архиепископа Геннадия и 3-5 знаковыми уставами, восходящими к византийской традиции.

Таким образом, "табель-календарь" (число календаря в сочетании со знаком) и главы, раскрывающие смысл знаков "Окозрительного устава" функционально соответствовали месяцесловной, самой объемной главе нашего "Типикона", где под числом месяца подробно расписывается служба по имеющемуся минейному материалу.

Но был и другой подход к задаче формализации многообразия типов служб минейного цикла для соотнесения их со знаковой системой. Этот подход довольно богато иллюстрируется отечественным рукописным материалом.

Большую известность в единоверческой среде получил в свое время "Ключ к Церковному уставу", составленный Н.Сырниковым в г. Рыльске и напечатанный в Москве в 1890 г.

46 знаков "Ключа" дают характеристику не столько службы в целом, сколько отдельных ее элементов (табл.3)[31]. Например: "Идеже столбики, ту славники. Сколько у числа столбиков, столько и славников. Черные указуют на вечерни, а красныя на утрени"[32]. Полное же представление о службе дня можно получить рассмотрев набор нескольких знаков, каждый из которых говорит о наличии того или иного элемента в структуре богослужения.

Слова псалмопевца "Благословлю Господа, вразумившего мя" (Пс. 15,7), предпосланные в качестве эпиграфа составителем тексту этого пособия, не следует рассматривать как указание на его, Сырникова, заслугу первооткрывателя нового "окозрительного" принципа. Ретроспективный обзор рукописных уставов с семиографическими элементами приведет нас от этого печатного "Ключа" через многочисленные списки XIX и XVIII вв., использующие те же, что и у Сырникова знаки[33], к более ранним спискам, относящимся к XVII в. К числу последних относятся два, уже упомянутых, списка, которые И.Д. Мансветов объединял в 4-ю редакцию - "систему""Окозрительного геннадиевского устава"[34].

Понятно, что число различных возможных сочетаний таких систем в несколько раз превосходило число конечного, ограниченного четырьмя десятками знаков, набора"Устава"архиепископа Геннадия. Такой комбинаторный подход к формализации типов

служб в семантическом отношении явился своеобразным пиком развития окозрительного принципа в уставных сборниках Русской Церкви.

Можно смело говорить о независимости графики знаковой системы "Окозрительного устава" архиепископа Геннадия и указанных сейчас памятников, хотя основой для их разработки послужили три основных знака, с которых и был начат этот краткий экскурс в историю семиографии наших богослужебных уставов.

С сожалением следует заметить, что все это "семантическое богатство" рукописных уставов не нашло своего места в печатных типиках Русской Церкви. И если появившиеся вслед за "Уставом" 1610 г. издания 1633 и 1641 гг.[35] продолжали воспроизводить уже упомянутый текст Никона Черногорца и относящиеся к нему три знака[36], то в редакции "Типикона" 1682 г. уже печатается статья о пяти знамениях, появившаяся в результате справы, при которой имело место "правление его ("Устава" - Б.Д.) преимущественно по греческим образцам"[37]. И думается, что эти новоявленные в России "образцы" в отношении семиографии богослужебных уставов не вызывали особого интереса у знатоков знаковых систем богослужебных памятников Русской Церкви.

В заключение замечу, что наша богослужебная традиция, отраженная в рукописных и печатных славяно-русских уставах, напоминает нам, что мы не праздные экскурсанты или пассивные зрители в той сокровищнице, где бесчисленные перлы радуют взор всех, умеющих ценить прекрасное, а наследники. Причем это наше наследство бережно передавали друг другу многие

поколения наших соотечественников, восполняя и преумножая его. Владеть таким богатством - великая ответственность: его легко расточить на перепутьях и торжищах современности, где так легко за вечное и абсолютное выдается кратковременное и относительное.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лисицын Михаил, прот. Первоначальный славяно-русский типикон. СПб., 1911. С. 115.

[2] Занимал константинопольскую кафедру с 1025 по 1043 гг.

[3] ГИМ, Синодальное собр., №380 (330).

[4] О бытовании на православном Востоке трех основных типиконов: Студийского Святой Горы и Иерусалимского свидетельствует Никон Черногорец, автор XI в. - См.: Тактикон. Почаев, 1794.

[5] Мансветов И.Д. Церковный устав (типик). Его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви. М., 1885. С. 127.

[6] Только "Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986) указывает более 50 списков.

[7] Красносельцев Н.Ф. "Толковая служба" и другие сочинения, относящиеся к объяснению богослужения в Древней Руси до XVIII века // Православный собеседник. 1878. Четверть 2. С. 3-43.

[8] Felmy K.Ch. Die Deutung der Göttlichen Liturgie in der Russischen Theologie. Berlin; New York, 1984.

[9] Металлов В.М., прот. Очерк истории православного церковного пения в России. М., 1915. С. VII. См. также: Металлов В.М. прот. Русская семиография. М., 1912.

[10] Устав (Тишикон). М., 1682. Л. 65 об. - 66; То же. М., 1904. Л. 47 об.

[11] См., напр. ГБЛ, Рогожское собр., №731; собр. Троице-Сергиевой Лавры, №239, л. 54 об.; собр. Никифорова, №443, л. 116.

[12] См., напр., ГБЛ, собр. Егорова, №209, Устав, 1589-1605 гг., л. 57.

[13] В XVII в. велась подготовка к печати переводов этих творений на Московском Печатном дворе, но они увидели свет лишь в конце XVIII в. на западе России. О трех знаках см.: Тактикон. Почаев, 1794. Л. 17.

[14] Мансветов И.Д. Указ. соч. С. 139-140, 192.

[15] Устав (Око церковное). М., 1610.

[16] Преподобного Сергия Радонежского - 25 сентября, святителей Петра, Алексия и Ионы - 5 октября, святителя Арсения Сербского - 28 октября, преподобного Авраамия Ростовского - 29 октября, преподобного Варлаама Хутынского - 6 ноября, святителя Петра - 21 декабря, преподобного Антония Римлянина - 17 января и др..

[17] Спасский Ф.Г. Русское литургическое творчество. -Париж, 1951. С. 98.

[18] Махаев Николай - выпускник Московской духовной академии 1908г. (63-й курс); за кандидатское сочинение "Литургическая деятельность Геннадия, архиепископа Новгородского" удостоен Премии протоиерея А.М. Иванцова-Платонова - отзыв на его работу см.: Извлечение из Журналов собраний Совета Московской духовной академии за 1908г. Сергиев Посад, 1909. С. 95-99.

[19] Мансветов И.Д. Указ. соч. С. 304-309.

[20] См., напр., ГПБ, собр. Большакова, №342, Обиходник, XVII в., л. 256.

[21] ГБЛ, собр. Ундольского, №118, л. 20.

[22] Мансветов И.Д. Указ. соч. С. 305.

[23]См., напр., ГБЛ, собр. Большакова, №342, л. 256; собр. Ундольского, №436, л. 139-155; собр. Синодальное, переданное в МДА, №318, л. 401-418.

[24]ГБЛ, собр. Егорова №209, л. 198-239 об.; собр. Ундольского, №118, л. 1-155.

[25]ГБЛ, собр. Егорова, №209, л. 213 об., 216 об. и др. места.

[26]Там же, л. 214 об. - служба Нерукотворному Образу.

[27]Там же, л. 217-217 об..

[28]Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 36.

[29]Мансветов И.Д. Указ. соч. С. 306.

[30]См. вкладную запись - ГБЛ, собр. Егорова, №209, л. 13-32.

[31]Сырников Н. Ключ к церковному Уставу. М., 1890. Л. 14-16.

[32]Там же, Л. 23.

[33]См., напр., ГБЛ, собр. Синодальное, переданное в МДА, №464, "Сказание өкозрительному знамению всякому числу", XIX в..

[34]Мансветов И.Д. Указ соч. С. 305. К этим двум спискам можно добавить по сообщению А.М. Пентковского и список ЦГАДА, Типографского собр., №395.

[35]Устав (Око церковное). М., II. 1633, IX. 1633; III. 1641.

[36]Как и в издании 1610г. графика и цвет этих знаков варьируют вследствие технических причин. Иногда встречаются "неокиноваренные" листы - Устав (Око церковное). М., 1641. Л. 703.

[37]Мансветов И.Д. Как у нас правились церковные книги. Материалы для истории книжной справы в XVII столетии. (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883. С. 35.

Т А Б Л И Ц Ы

При воспроизведении знаков "Окозрительного устава" контурные изображения соответствуют киновари в рукописных оригиналах.

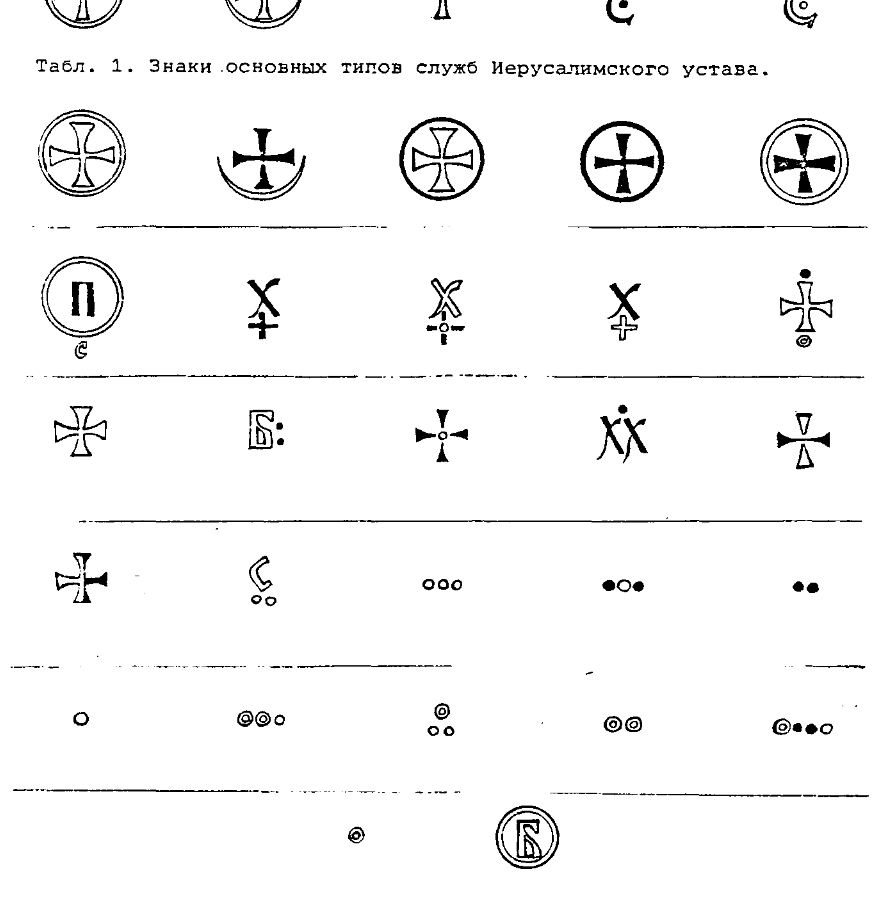

Табл. 1. Знаки основных типов служб Иерусалимского устава.

Табл. 2. 27 знаков наиболее распространенной редакции Окозрительного устава.

Табл. 3. Знаки "Ключа к Церковному уставу" (М., 1890).